

A decorative rectangular frame with ornate, scrolled corners and a repeating floral pattern along the sides. The frame is set against a background of a cracked, marble-like texture. The text is centered within the frame.

НЕПОРОЧНАЯ
ПУСТОТА

В начале не было
ни берега моря,
ни волн студеных,
ни тверди снизу,
ни неба сверху,
ни трав зеленых —
только бездна зевала.

Прорисание Вэльвы¹

---

¹ Перевод В. Г. Тихомирова.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФАЗА

Человек сказал Вселенной:
— Смотри! Я существую!
— Да, — ответила Вселенная, —
Но сей факт еще не означает,
Что я должна о тебе заботиться.

Стивен Крейн¹

Священные книги всегда ошибались.

Если бы человечество захотело поблагодарить тех, кто этого действительно заслуживает, для начала нам пришлось бы разбить наших идолов, выбросить к чертям все эти унылые молитвенники и переделать церкви во что-нибудь полезное — скажем, в бордели и приюты для бездомных.

«Нахер все это, — сказало бы человечество. — Отныне я болею за гигантов».

Молитвы газовым гигантам остались бы неслышанными точно так же, как и любые другие — все эти просьбы о тачдаунах и избавлении от рака, — но, по крайней мере, они были бы направлены по адресу. Особенно молитвы Юпитеру. Мы протянули столько времени исключительно потому, что Юпитер был к нам благосклонен. Хоть этот здоровенный полосатый газовый шар и носит имя бога, которого римляне придумали всего три тысячи лет назад, он начал защищать нас намного, намного раньше, еще до того,

---

¹ Перевод А. Кудрявицкого.

как первые многоклеточные организмы принялись барахтаться в бульоне первобытных морей Земли.

Какой-то астроном, который никогда не получит заслуженного признания за свое остроумие, назвал Юпитер космическим пылесосом. Он и правда занят ровно тем же, для чего люди держат дома пылесосы, только в космических масштабах: притяжение его настолько мощное, что Юпитер охраняет внутреннюю область Солнечной системы, поглощая кометы и астероиды-тяжеловесы, которые, миновав его, раз за разом могли бы отбрасывать жизнь назад в болото, стоило ей выползти на сушу.

По большей части. Парочка все же смогла проскочить мимо Юпитера и навести шороху. Все, кому случалось отправляться на охоту за динозаврами, знают, что эта система не идеальна. И еще что-то в свое время явно с огромной силой впаялось в Марс. Но в целом нам пока что везло.

Вот почему мне казалось логичным, что если появится какое-то отклонение от нормы, то первые очевидные признаки этого продемонстрирует Юпитер. В истории часто случалось так, что предвестья беды сначала возникали на окраинах, прежде чем добраться до столицы.

Кто бы мог подумать, что события, разделенные множеством лет и происходившие в точках Солнечной системы, между которыми сотни миллионов миль, могут иметь друг к другу какое-то отношение. Кто бы мог подумать, что серийные убийства детей — и та единственная девочка, которая спаслась, — как-то связаны со странной судьбой, постигшей одну из лун Юпитера.

Брайан Ходж. НЕПОРОЧНАЯ ПУСТОТА

Но это так. Они взаимосвязаны. Все на свете взаимосвязано.

И когда начинает рушиться что-то одно — рушится сразу все.

Вот как это должно происходить: когда комета Шумейкеров — Леви 9 распалась на куски и устроила бомбардировку южного полушария Юпитера, мы в первый раз смогли в прямом эфире увидеть, как он исполняет роль нашего защитника, принимая удар на себя. Мы впервые стали свидетелями подобного события — столкновения двух небесных тел. Когда я была маленькой, мне говорили, что движение космических сфер — мирный механический процесс... но это было всего лишь очередное вранье. Вранье вселенских масштабов.

Конечно, тогда я этого не понимала. Падение кометы Шумейкеров — Леви случилось летом 1994 года, а мне тогда было всего пять лет. Когда тебе пять, Комета — это олень Санта-Клауса.

До момента, когда я оказалась в неправильном сарае, оставалось еще целое лето.

А вот как это *не должно* происходить: что бы ни врезалось в Юпитер шестнадцать лет спустя, третьего июня 2010 года, никто не заметил этой штуки заранее. Может, это была еще одна комета, а может, астероид. Оно распалось, встретившись с облаками в самой-самой верхней части атмосферы Юпитера, и взрыв получился такой яркий, что его можно было увидеть в телескопы на чердаках и задних дворах. И настолько неожиданный, что на всей Земле его засняли только два человека, оба — астрономы-любители: один — филиппинец, второй — австралиец.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФАЗА

А дальше — ничего. Не случилось второго акта для припозднившихся зрителей, которые навели свои объективы на Юпитер, чтобы понаблюдать за облаком фрагментов. *Не было* никакого облака фрагментов.

А должно было быть. Раньше всегда были. Их называют синяками — это мелкая взвесь химически разрушенных газов и поджаренной пыли, вихрящаяся среди облачных поясов. После Шумейкеров — Леви 9 Юпитер был весь в синяках, точно боксер, которого избивали двенадцать раундов подряд.

А в этот раз? *Nada*.

— Юпитер как будто проглотил эту штуку целиком, — сказал австралийский астроном.

Но от аномалий легко отмахнуться. И поэтому в прошлом году, когда комета Эррингтона — Уолтерса стала новейшей жертвой приливных сил Юпитера и распалась на подлете к нему, словно ядро, разлетевшееся облаком шрапнели, астрономы всей планеты вернулись к ожиданиям уровня Шумейкеров — Леви: «Отлично, вот и еще одна. Может, в этот раз шоу окажется даже круче. Не зря же мы двадцать лет совершенствовались телескопы».

Только все прошло не так, как ожидалось. Вместо этого осколки атаковали Европу.

Это не беспрецедентный случай. Юпитер — алчный собиратель лун. У него их шестьдесят семь — было — и порой они встают на пути того, что попало в силки его притяжения. Но основных спутников Юпитера, крупных настолько, чтобы их впервые мог заметить Галилей, всего четыре. Как и все

мы, выжившие, они покрыты шрамами. Ганимед щеголяет тремя рядами кратеров, похожих на цепочку следов от пуль, выпущенных истребителем размером с гору. У бедняжки Каллисто таких рядов тринадцать.

Но то, что удар пришелся на Европу, было особенно печально. Она же была не простым шаром из камня и металла, как все прочие. Она была шаром из камня и металла, окруженным толстой ледяной коркой, под которой скрывалась жидкая вода. Мир океана. Если мы и могли найти жизнь еще хоть где-нибудь в Солнечной системе, то это было идеальное место для поисков. Мы даже о собственных океанах знаем далеко не все — только представьте, что могло ожидать нас в глубинах этого.

Поэтому тоскливо было смотреть, как серия столкновений раскалывает лед, вздымая колоссальные плюмажи выбросов и пара, и гадать, какая часть самого первозданного из знакомых нам океанов сейчас кипит. Возможно, прямо перед телескопическими глазами людей только что испарились наши ближайшие соседи, с которыми мы еще не успели познакомиться, будь они даже микробами или космическими кальмарами.

Ничего хорошего от комет не жди — так думали наши предки. Кометы пророчили болезни, и голод, и смерть, и войну. Они были предвестницами катастроф, знаками того, что боги разгневаны. Такое ни капельки не поднимает моральный дух.

Об этом, разумеется, вспоминали в недели, последовавшие за тем, как комета Эррингтона — Уолтерса завершила свой путь длиной в миллиарды

лет, когда по причинам, которые никто так и не смог объяснить, Европа вдруг уменьшилась и исчезла.

Она не сошла с орбиты. И не разлетелась на мелкие кусочки. От нее не осталось даже облака фрагментов — знакомо звучит? Европа просто начала сдуваться, как воздушный шарик, из которого медленно выходит воздух.

«Европа как будто проглотила себя целиком», — так мог бы сказать какой-нибудь австралийский астроном.

Большинству людей было на это плевать. Большинство людей этого даже не заметило. Большинство людей никогда не слышало о Европе. Большинство людей хорошо если о Юпитере-то слышало. Потому что большинство людей и представить себе не способно, насколько они на самом деле слепы, глухи и глупы, и не желает ничего менять в своей жизни.

Но если вы знали, какие каналы смотреть, то могли следить за обескураженными комментариями.

Мне было жалко Нила Деграсса Тайсона, Митио Каку и всех прочих говорящих голов. У них ведь должны были найтись ответы. Они вроде как были теми парнями, которые объясняют, что происходит в космосе. А у них в лучшем случае получалось притворяться рассудительными и очаровательно пристыженными, когда они старались выставить эту загадку возможностью извлечь новые знания из события, подобных которому раньше не наблюдалось. Хотя на самом деле они всячески пытались уклониться от того, чтобы открытым текстом

признаться: «Не, ребята, простите, мы понятия не имеем, что там за хуйня стряслась».

Да к тому же им еще и приходилось терпеть все эти дурацкие шутейки про гнев богов.

А дело было не в этом. Совершенно точно не в этом.

Есть вещи, которых до усрачки боятся даже боги.

ПЕРВАЯ ФАЗА

Религиозный миф — одно из величайших и значительнейших созданий человечества, которое, хотя и обманчивыми символами, однако все же дает человеку уверенность и силу, чтобы противостоять чудовищу, которым является мир в целом, и не быть им раздавленным.

Карл Юнг¹

Прошло уже почти два дня с момента исчезновения Дафны, но Таннер узнал об этом, лишь когда ему позвонило очередное звено в ее бесконечной цепочке неудачников.

— Она у вас? — спросил этот мужик. — Я не против того, чтобы у нее были свои дела, но за квартиру то нам надо платить вовремя. Я ей звонил, но каждый раз попадал на автоответчик.

Очередное звено звали Вал. Вал Мэдиган, полное имя — Вальмон; а еще, как будто одного этого было недостаточно, чтобы его возненавидеть, он оказался бывшим менеджером по продажам, который, после того как его вышвырнули из какой-то технологической компании, приземлился на ноги и заделался тренером личностного роста. Это не считая брака, якобы подошедшего к концу несколько месяцев назад, но до сих пор официально не расторгнутого. И не считая запрета на приближение к другой бывшей.

---

¹ Перевод В. Зеленского.

В этом была вся Дафна. Обычные неудачники ей не годились. Алкоголики, продавцы травки, выкуривавшие собственный товар, или хронически безработные очаровашки, сочившиеся обожанием к любой женщине, из которой могли выдавить денег на следующий месяц,— все они были не в ее стиле. Дафна выбирала своих неудачников умело. Возможно, их недостатки проявлялись не сразу, но уж когда проявлялись — то во всей красе.

Вал с Дафной снимали на двоих 1800 квадратных футов полутораэтажной пригородной безликости в Брумфилде, что к северо-западу от Денвера, где Таннер и застал его на следующее утро после звонка. Ясный сентябрьский понедельник, для него — выходной. «Ну естественно, тебя зовут Вал»,— чуть не ляпнул он мужику, открывшему дверь. Не потому, что никем другим тот оказаться не мог; скорее потому, что он и выглядел как натуральный Вал — на пятнадцать лет старше Дафны, кожа потихоньку делается дубленой и жесткой, а песочные волосы резко отличаются цветом от бровей и филированных бакенбард, закрывающих половину ушей.

— Я вас не ждал,— заявил Вал.— Вы хотите зайти?

— Я не могу отсюда осмотреть ее вещи.

— Вы пришли осмотреть ее вещи? Зачем?

— Затем, что так делают братья, у которых пропадают младшие сестры.

— А я разве сказал, что она пропала? Нет, прошу прощения, если создал у вас неверное впечатление. Она не пропала... просто ушла в неудобный момент, и я подумал, что она, возможно, у вас.

